

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ... Пожалуй, трудно назвать другой период истории Советского государства, в который мы сегодня вглядывались бы более пристально. Здесь сталкиваются мнения, кипят споры, которым менее всего свойственна академическая бесстрастность. И, слушая общий хор, мы особенно старательно пытаемся различить в нем голоса тех, кто был участником тогдашних событий. Как бы там ни было, слова их имеют особую цену. И вот — еще одно свидетельство, еще один голос из прошлого... Список прозы, которую журнал «Знамя» представит своим читателям в будущем году, открывает новая работа А. Авдеенко. Сегодня мы в гостях у одного из старейших советских прозаиков (недавно ему исполнилось 80 лет), автора романов, повестей, пьес, киносценариев.

— Александр Остапович, разговор о книге, которая будет представлена на суд читателей, мне хотелось бы начать с вопроса, который касается вашего писательского прошлого. Роман «Я люблю» в на-

жем, в 1929 году. Артели землекопов, грабарей, каменщиков, плотников. Собственные лошади, повозки, инструмент, привычки собственников. А потом появились те, кто вынужден был бежать от насильственной коллективизации. Не скрою греха своего и товарищей, может быть, чересчур «революционных» ребят: мы к деревенским беглецам относились пренебрежительно. И зря. Несправедливо. Бежали они, как теперь установлено, от преступного произвола, который свирепствовал в деревнях. Так что нельзя смотреть на тогдашние события глазами, прикрытыми запретными шорами, нужно осмыслить их в свете сегодняшней гласности.

Это правда. Но правда — и мои тогдашние ощущения. Без всякого преувеличения могу сказать, что до приезда на Магнитку я считал себя ничем. И когда стал работать на паровозе, когда стал выдавать вместе с доменщиками рекордные плавки, когда стал ударником, заключил соцдоговор, то, естественно, появились у меня гордость, самоуважение, достоинство

ны — преступная тайна, с другой — парадного свойства события, великолепные лозунги. Поили нас лозунгами, кормили нас лозунгами, лозунги подменяли собой естественные законы жизни. Так называемая «сталинская конституция» гарантировала права личности, свободы, которые в действительности попирались, и считалась лучшей в мире, и действительно была такой... на бумаге. Были и другие декорации.

— Беломорско-Балтийский канал, например...

— Этим каналом испортили огромное количество великолепных земель. На трассе канала была «столица» раскольников — Выгцеция. Мы, дикари, считали раскольников самыми реакционными людьми страны. А у них была высокая культура земледелия по сравнению со средним российским уровнем. Поголовная грамотность — и это в то время, во времена всенародной борьбы с неграмотностью. Культура была, нравственность, высочайшее уважение друг к другу, человеческое братство. Так вот канал прошел по сердцу этой Выгцеции, стоящей на воде, на берегах реки Выг. Лучшие земли, лучшие деревни были стерты с лица земли. Кто это сделал? Сталинщина. Сталин. Он провел по карте синим карандашом прямую линию. И по этой «прямой» сотни с лишним тысяч оскорбленных, униженных зеков строили канал. Кто были эти люди? Главным образом раскрестянные мужики. Были и будущие академики, и писатели, ученые, домушники, карманники. Но домушника работать не заставишь, да он

меня зеки были такими же людьми, как и все остальные. Я им задавал вопрос «За что сидишь?» — и этим повергал их в страшное смущение. Ни один чекист не задавал каналоармейцам такого вопроса. «По какой статье?» — вот что должен был он спрашивать.

— Ну а «за что» находило какой-нибудь отклик?

— Мне отвечали: «Так я ж, гражданин начальник, и сам не знаю, за что отбываю срок. Сказали, что я вредитель, саботажник хлебозаготовок, падеж скота устроил. Как сказали, так и в приговоре распечатали». И я верил тому, что говорили люди. Моя доверчивость в конце концов и подвела меня. Однажды, проходя мимо спортивной площадки, залюбовался, как здорово ребята играли в волейбол. А был я тогда заядлым волейболистом. Соблазнила меня игра. И я расстегнул ремень с кобурой, положил около столба и поиграл минут пятнадцать. Оказалось, играл с молодыми зеками. Немедленно вызвал меня начальник всего лагерного хозяйства и добродушно этак сказал: «Что ж ты как фрайер последний поступил? Могли бы зеки схватить твой пистолет и расстрелять тебя и охрану». Я каялся искренне — действительно, могли. Простодушный я был, не лагерное начальство, нет. Кончилось тем, что Ягода приказал своим людям: «Чтобы ноги его не было на канале». То есть мой ноги. Выгнали меня с треском. И об этом я рассказал в новой книге. Рассказал я о страшном суде, который учинили над мной Сталин и его лихая дружина: Жданов, Маленков, Андреев. Собственно, новая моя книга почти вся о Сталине и сталинщине в разных ее проявлениях. Каждый человек в то время испытал сталинщину на своей шкуре в той или иной степени. Меня, как видите, не расстреляли, даже не посадили. Вызвали меня в Большой дом на Старой площади и в присутствии идеологических работников ЦК и членов правления Союза писателей — Фадеева, Катаева, Попова, Асеева, Тренева и других — Сталин устроил следствие, суд и эшафот. На этом пятнадцатом совещании он выступил раз десять. На следующий день в «Правде» появилась заметка. В ней говорилось примерно так: «Ввиду того, что произведения писателя Авдеенко, как выяснилось в последнее время, носят антисоветский характер, отобрать у него корреспондентскую карточку». Я, коммунист, еще не исключенный из партии, еще член Союза писателей, вот таким недопустимым образом аттестовывался перед миллионами читателей. А до этого, тоже в «Правде», была статья «Фальшивый фильм». Сценарий этого фильма (он назывался «Закон жизни») написал я. У картины была хорошая пресса, кассовый сбор ее был больше, чем у зарубежной ленты «Большой вальс» (это мне потом рассказывали кинодеятели). Сталин же, посмотрев «Закон жизни», назвал его антисоветским. И даже написал рецензию, напечатанную без подписи как редакционную. Это решило и судьбу фильма, и мою. Мнение Сталина перевесило и зрительскую приязнь, и коммерческий успех, и суждения профессиональных критиков. После судилища у Сталина были суды рангом пониже. «Антисоветского» писателя исключили из партии, из Союза писателей, выселили из квартиры буквально на улицу. Рассказ об этом тяжелейшем событии в моей жизни занимает добрую половину книги. Вот, пожалуй, и все, что хотелось сказать. Много это, мало, то ли, что вам надо. — не знаю. Любому автору трудно говорить о своем сочинении абсолютно беспристрастно, ему всегда кажется, что он высказал самое главное, но, увы, он часто ошибается.

— Александр Остапович, каков же все-таки жанр вашей книги — мемуары, документальная проза, роман?

— Вместо ответа на ваш вопрос я сошлюсь на высказывание классика о работе писателей: «...Мне кажется, что они со временем будут не сочинять, а только рассказывать то значительное и интересное, что им случалось наблюдать в жизни».

БЕСЕДА

За рабочим столом

Александр АВДЕЕНКО:

УЗЕЛ ВРЕМЕНИ

чале тридцатых годов принес вам шумный успех и моментально утвердил вас, недавнего паровозного машиниста с Магнитки, в писательском звании. Тема его — рождение личности рабочего, успехи социалистического строительства, место действия — Магнитострой. Приходят новые времена, меняются взгляды, литературные вкусы — как вы сейчас сами оцениваете свой первый серьезный литературный труд полудекадной давности?

— Начну ответ издали. В обеих книгах: художественной — 1933 года и документальной — 1988-го, главное действующее лицо — Время. Время тридцатых годов, двуликое — великое, воодушевляющее людей на труд, на подвиги, и — тяжкое. Вот это время и сформировало меня, рабочего великой Магнитки, призвало в литкружок, а потом и в литературу, воодушевило на создание романа «Я люблю». Моя первая книга была, по существу, признанием в любви к преображенной стране, к Советской власти, к партии. Таких, как я, энтузиастов, романтиков, самозабвенных строителей новой жизни, тогда были миллионы. В эти же тридцатые годы миллионы людей существовали в совершенно ином времени, в иных обстоятельствах. Власти выявляли «вредителей», судили их, приговаривали, сажали в тюрьмы, гнали в ссылку. Начинали сказываться последствия насильственной коллективизации. Свирепствовал голод, кое-где вымирали целые деревни. Города были забиты деревенскими нищими. Рабочий человек, я, скажем, получал по карточкам восемьсот граммов, а то и килограмм хлеба. Моя мама жила в деревне — она и ста граммов не получала. Деревенские власти забрали у нее последнюю луценую кукурзу, которую она спрятала в кувшин с молоком. Сделали это свои же, деревенские. Они уже были такими хорошими сыщиками, что и в кувшин с молоком гадали, заглянув. Ограбленные, отчужденные от земли люди умирали. Несколько миллионов умерло, в том числе на Украине, которая всегда была хлебодородной, всегда имела что-то в закромах про запад, на черный день. Дошло дело до людоедства! Вот в каких тяжелейших условиях строилась Магнитка — свидетельствую как ее ветеран. Строили ее не только закаленные «чистые» рабочие. Огромное количество отходников было, ска-

человеческое. Тогда я и написал «Я люблю» — книгу, в которой немало восторгов по поводу наших достижений и горькой правды о наших бедах. Она писалась кровью сердца.

— Наверное, уже самое время перейти к разговору о вашей новой книге, которая увидит свет в журнале «Знамя»?

— А мы давно уже говорим о ней. В ней есть главы, посвященные Магнитострою. Это было время моей юности, когда завязывались все «узлы» в политике, экономике, культуре — узлы сталинщины, не до конца развязанные и сейчас. Я был делегатом съезда Советов в Кремле, который подводил итоги первой пятилетки. Я, рядовой рабочий, приобщился к грандиозному государственному делу... Было чем гордиться. Есть о чем рассказать. Например, о том, что в своем выступлении на съезде я до небес превозносил Сталина. Говорил искренне, сердечно. Молотов даже упомянул обо мне в своей заключительной речи. Он сказал примерно так: «Я должен остановиться на выступлении писателя Авдеенко, который выразил всенародную любовь к великому Сталину».

— Это какой год был?

— Начало февраля 1935-го. Как видите, и я приложил руку к созданию культа. И я не был одинок. Весь съезд, две с половиной тысячи человек, одурманенные радио, газетами, агитаторами, громоподобными речами, — все мы верили в то, что Сталин выражает волю партии, волю народа. Даже политические противники сталинских порядков незадолго до своей гибели превозносили и «социализм», построенный Сталиным, и его самого. Но никогда бы этот великий обман не удался, если бы не было народного движения к истинному социализму, народного стремления к той жизни, которая пропагандировалась каждый день с утра до ночи. Все происходило в пышных декорациях — нельзя не учитывать и всю эту красоту, помпезность лозунгов. Совершалась подмена истинных экономических достижений видимостью. Но эта подмена тщательно скрывалась. «Врагов народа» сажали, ссылали и расстреливали строго секретно. Объясняли только тогда, когда умолчать было нельзя. — как с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Рыковым. А ведь миллионы исчезали бесследно. Вот так это и было: с одной сторо-

и не привык работать, не умеет. А мужик умеет — он и был основной рабочей силой. Я на этом канале был, когда его торжественно открывали. По указанию Сталина чекисты организовали для писателей поездку. Дали нам специальный поезд, состоящий из мяжных вагонов, в каждом купе — ящик с вином, сухой колбасой, икрой, шоколадом. Три места занимали писатели, четвертое — этот ящик. Оргкомитет (тогда еще Союза писателей не было) собрал бригаду, состоящую из 120 человек. Главным образом тех, кто оказался под рукой — Кулика, Янку Купалу, Всеволода Иванова, Безыменского, Кукрыничков, Веру Инбер, Бруно Ясенского, Валентина Катаева. Это шумное, праздничное, удивительное путешествие я подробно списал. По возвращении в Москву нас тут же отправили на другой канал — имени Москвы, он только закладывался. Писатели потом выпустили громадный том о Беломорстрое: «Канал имени Сталина».

А втайне в это время уже строился Колыма. Секретная была стройка. И все будущее лагерное хозяйство продумывалось и проходило проверку на стройке Беломорско-Балтийского канала. Так что вот опять параллель: «тайное» — «явное». На канале имени Москвы я побывал еще раз — в тридцать пятом. Однажды меня вызвал к себе редактор «Правды» Мехлис и сказал, что они с Горьким решили: я — самая подходящая кандидатура для того, чтобы стать летописцем строительства канала. Тут же Мехлис позвонил Ягоде и договорился о моей встрече с ним. И вот я в кабинете Ягоды. В конце беседы он спрашивает: «Ну, в каком качестве вы хотите работать на канале?» Я говорю: «Быть зеком не хочу». «Ну что ж, — говорит, — мы вас обмундуруем как чекиста». Нацелили мне два ромба в петлички (сам Ягода носил четыре). Под таким прикрытием я несколько месяцев на канале собирал материал. Но, что называется, не пошло. Я был там как белая ворона. Не было контакта ни с теми, ни с этими. Настоящие чекисты видели, что я ничего не понимаю в их работе. А когда я хочу побеседовать с заключенными, их пугают мои ромбы. К тому же я еще задавал не те вопросы и не так, как следовало. — «Не те», с точки зрения заключенных?

— Конечно. Я был молод, наивен, для